

В. В. Галиндабаева

**ТРАДИЦИЯ ОТКРЫТОГО УСЫНОВЛЕНИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ:
ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ VS ФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА**

АННОТАЦИЯ. Рассматривается, как практика открытого усыновления, поддерживаемая системой расширенного родства, реализуется в формальных условиях, которые исключают такой тип приемного родительства. Открытое усыновление в Бурятии сегодня можно назвать особым типом межпоколенческой заботы, которая осуществляется в более широком контексте рода, а не расширенной семьи. Данный тип заботы противоречит основным положениям доминирующего культурного образца. Несмотря на стигматизацию, практика продолжает существовать и адаптироваться к новым условиям. Исследование проводилось в рамках качественной методологии. В эмпирическую базу исследования вошли 23 интервью, 93 статьи локальной прессы (газет и журналов) и 15 сообщений, опубликованных в группе «Аноним 03» социальной сети «ВКонтакте» по теме обычая открытого усыновления. Метод лейтмотивного интервью использовался для сбора эмпирического материала, метод тематического кодирования и метод дискурс-анализа — для анализа документов. Сначала мы рассматриваем, как обычай оценивается в публичном дискурсе республики, и несколько историй о практике открытого усыновления в условиях сельско-городской миграции. Автор приходит к выводу, что обычай открытого усыновления становится в современной Бурятии востребованным в качестве легитимного способа нивелировать дефицит заботы. Если раньше необходимость усыновления легитимировалась верой в жизнь духов предков на земле, то сегодня буддизм оправдывает родителей, отдающих своих детей на усыновление, с помощью концепта «буян». Обычай открытого усыновления поощряется на уровне публичного дискурса, но стигматизируется в приватном пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: открытое усыновление, межпоколенные отношения, дефицит заботы, сельско-городская миграция, отношения родства

УДК 316.4.051.63

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-118-126

ГАЛИНДАБАЕВА ВЕРА ВАЛЕРИЕВНА — к.соц.н., старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vgalindabaeva@gmail.com

В Бурятии, как и в некоторых других национальных регионах России (например, в Якутии), существует традиция открытого усыновления. Она противоречит одному из главных требований к процедуре усыновления, установленной законом, а именно в части сохранения тайны усыновления.

В европейских странах в 2000-е годы отказались от тайны усыновления. В России с 1969 г. законодательно закреплена тайна усыновления или запрет сообщать сведения об усыновлении кому бы то ни было, включая самих усыновленных. Однако среди мер по защите интересов детей-сирот в «Национальной стратегии действий в интересах детей» на 2012–2017 гг. появился пункт: «Переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления». Наблюдается общая тенденция преодоления табуированности темы усыновления в России. В то же время конкретных мер по изменению законодательства в рамках программы сделано не было. Основной запрос сегодня на отмену тайны усыновления поступает от усыновленных детей, которые не могут без разрешения усыновителей узнать о своих биологических родителях и родственниках. Часто случается, что дети начинают искать своих биологических родителей после смерти родителей приемных, но получают отказ в архивных справках, так как не могут предоставить разрешения от усыновителей на раскрытие тайны усыновления.

В Бурятии практику открытого усыновления/удочерения детей из семей родственников можно считать одним из способов восполнения дефицита заботы в рамках расширенного родства. Женщины, одинокие матери, переезжающие в город в поисках работы, могут отдать детей по личной договоренности другой семье. Обычно договоренность достигается в рамках большой родственной группы. Бывает, что ребенка отдают не в родственную семью, а, например, в семью односельчан. Ребенок узнает со временем, кто его биологические родители и встречается с ними на таких важных для поддержания бурятского рода событиях, как молебны, юбилеи, свадьбы, похороны.

Открытое усыновление противоречит доминирующей в современном обществе идеологии интенсивного материнства, представлению о том, что мать должна единолично заботиться о своем ребенке. Сегодня такой тип заботы в Бурятии стигматизируется, поэтому тема достаточно трудна для исследования. Однако обычай достаточно устойчив во времени и воспроизводится. По данным антропологов, подобные традиции существуют у разных народов Азии, Африки и Латинской Америки (Verhoef 2005). Исследователи рассматривают усыновление в основном как часть родовой системы, как форму социальной солидарности или как ответ на изменение демографических условий (Terrell, Model 1994).

Мы рассмотрим, как практика открытого усыновления, поддерживаемая системой расширенного родства, реализуется в формальных условиях, которые исключают такой тип приемного родительства. Проанализируем этот процесс, основываясь на интервью, материалах СМИ и интернета.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория дефицита заботы и исследования женской транснациональной миграции стали теоретической основой нашего исследования. Забота о детях — это труд, который требует особых навыков, эмоциональной и физической работы и связан с современной идеологией материнства. Исследователи предлагают рассматривать семейную заботу как «взаимную эмоциональную зависимость (связь) между заботящимся и получающим заботу. Осуществляющий заботу чувствует ответственность за благополучие включенных в круг близких и выполняет интеллектуальную, психическую и физическую работу, которая чаще всего считается не работой, проявлением особого персонализированного отношения» (Новый быт 2009).

Джанет Карстен показывает, как семейная забота выступает основой формирования эмоциональных отношений в семье и родственной группе. На примере исследования приемных семей она демонстрирует, что при наличии биологической связи достаточно трудно установить между

ребенком и родителем связь эмоциональную, на формирование которой необходимо время и определенное количество физической и эмоциональной работы (Carsten 2004).

В целом проблема дефицита заботы в современном обществе стала интересовать ученых в рамках исследования женской миграции. Проблема дефицита заботы сопутствует именно женской миграции. Мать должна постоянно находиться в эмоциональном обмене с ребенком и таким образом создавать все необходимые условия для его успешного взросления. Отец, как правило, исполняет инструментальную роль. Женская транснациональная и сельско-городская миграция влечет за собой значительные изменения практик материнства, а следовательно, и всей конфигурации межпоколенческих отношений (Hondagneu-Sotelo, Avila 1997). Изменение межпоколенных отношений в сельской семье мигранта проявляется в перераспределении обязанностей между поколениями, «растягивании» семейных сетей из села в город, из одного государства в другое и интенсивном обмене материальными ресурсами в этих сетях (Галиндабаева 2014).

Таким образом, мы рассматриваем открытое усыновление как особый тип межпоколенной заботы, ресурс которого могут использовать бурятские семьи для восполнения дефицита заботы о детях в условиях недоступности биологических родителей по тем или иным причинам (смерти, отъезда и т.д.). Такая практика противоречит основному требованию закона к процедуре усыновления и доминирующей идеологии материнства, которая представляет единоличную заботу родной биологической матери главным залогом успешного взросления ребенка.

Далее мы рассмотрим, как публичный дискурс, транслируемый через СМИ, представляет практику открытого усыновления в Бурятии. Анализ интернет-материалов и интервью позволит увидеть, как данная практика осуществляется на повседневном уровне и как оценивается ее участниками.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Исследование проводилось в рамках качественной методологии. По теме открытого усыновления было проведено 23 лейтмотивных интервью в период с 2010 по 2014 гг. в пяти сельских поселениях Республики Бурятия (Хилгана, Удинск, Улюнхан, Иволга, Ичетуй), а также в г. Улан-Удэ. Фамилии и имена информантов вымышленные. В эмпирическую базу исследования вошли 93 статьи локальной прессы (газет и журналов) по теме обычая открытого усыновления. В социальной сети «ВКонтакте» был выбран основанный в Улан-Удэ один из самых популярных пабликов, «Аноним 03», на который подписано более 300 тысяч пользователей. По содержанию он аналогичен федеральным пабликам, таким как «Подслушано», «Дома не поймут». Истории пользователей публикует администратор без упоминания фамилий авторов и героев. Среди сообщений, размещенных со времени существования паблика, отобраны те, которые посвящены теме открытого усыновления. Всего с 2017 по 2018 г. было опубликовано 15 сообщений по теме. Анонимность паблика позволяет таким историям появляться на страницах соцсети. Метод лейтмотивного интервью использовался для сбора эмпирического материала, метод тематического кодирования и метод дискурс-анализа — для анализа статей и сообщений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для бурят открытое усыновление — важная часть родовых отношений с дореволюционных времен. Оно воспроизводится и сегодня, несмотря на процессы урбанизации и нуклеаризации. Каролин Хамфри объясняет появление практики открытого усыновления/удочерения у бурят именно в XIX в. низкой фертильностью, которая возникла вследствие распространения венерических заболеваний (Humphrey 1998). Вследствие низкой фертильности и высокой детской смертности у бурят появился обычай передачи на воспитание, фактическое усыновление или удочерение самого старшего или самого младшего ребенка родственным бездетным семьям. Ребенок являлся

собственностью рода, поэтому усыновлять могли только родственники по отцовской линии. Приемные дети пользовались такими же правами, как и родные, они наследовали все имущество приемного родителя. Так, наша информантка рассказывала о своей бабушке, чье детство пришлось на 1920–1930-е годы: *«Были дальние родственники бездетные. И был родственник лама. Он ее (бабушку. — В.Г.) им, приемным родителям, отдал. Сказал им, что у них детей не будет, чтобы они ее забирали... Маленькая была, знала, что братья и сестра есть. Отчим повез знакомиться с родными, только когда она в школу пошла»* (женщина, 36 лет). Если в расширенной семье этого сделать не удавалось, то супруги обращались к дальним родственникам или к не родственникам. Последними по предпочтительности были русские дети, которых нередко буряты фактически покупали. В обмен за русского ребенка буряты давали лошадь, корову и зимнюю одежду. Было распространено мнение, что русские дети более здоровые и жизнеспособные, чем бурятские (Лебедева 1975).

Рассмотрим современное состояние этой традиции. Мы исследуем случаи усыновления, а не опекуна, в которых приемные родители не имели никакой материальной выгоды в виде льгот и выплат от государства. Главное приобретение такой семьи — это ребенок, который получает фамилию и наследует в будущем имущество семьи. Основная выгода матери или семьи, отдающей ребенка, состоит в укреплении родственных связей, снижении материальной нагрузки и возможности избежать таких общественно порицаемых действий, как аборт или отказ от ребенка в пользу государства. В нашем эмпирическом материале мы встречаем и полные семьи, и одиноких матерей, которые усыновили или отдали на усыновление детей.

Специалисты органов опеки в Бурятии знакомы с такой практикой и идут навстречу родителям, биологическим и приемным, оправдывая нарушение формальных правил именно существующей традицией. Неформально при подборе родителей для определенного ребенка они поддерживают кандидатуру «нужного» родителя. С появлением требования очного обучения кандидатов в школе приемного родителя процедура усыновления стала более бюрократизированной, но обойти формальные препятствия возможно.

Говоря о формальной стороне процедуры усыновления, важно отметить, что тайна усыновления должна соблюдаться в соответствии со ст. 139 СК РФ. Лица, разгласившие тайну против воли усыновителей, привлекаются к ответственности. Однако на практике тайну соблюдают только представители государственных органов, которые хранят документы, касающиеся оформления усыновления. Например, один автор сообщения в группе «Аноним 03» получил документальное подтверждение того, что он приемный сын, из амбулаторной карточки, в которой данные биологической матери были просто перечеркнуты, а сверху написаны данные его приемной матери. Родственники, друзья семьи и соседи часто становятся причиной раскрытия тайны усыновления. В ситуации, когда родственников много, скрыть факт передачи ребенка очень трудно, поэтому родители сами об этом рассказывают детям.

Практика открытого усыновления поддерживается широкими родственными и земляческими связями, поэтому бурятские дети в возрасте до трех лет очень редко попадают в детский дом. Семьи, которые не могут найти себе наследника традиционным способом, обращаются к помощи интернета. Например, в группе «Аноним 03» есть такое объявление: *«Семья (буряты) готовы усыновить/удочерить ребенка (бурята) до года или новорожденного. Все документы собраны, есть согласие с органов опеки и попечительства. вот ребенка найти не могут. Может кто-нибудь хочет отдать ребенка или же обладает какой-либо информацией, пожалуйста, поставьте “мне нравится”. Я свяжусь с вами. Спасибо!»* (Запись сообщества 2013).

Истории об открытом усыновлении в прессе можно встретить в связи с описанием жизни выдающихся бурятских деятелей, а также в краудфандинговых компаниях. Например, такой народный поэт, как Дамба Жалсараев, автор гимна Республики Бурятия, в детстве был усыновлен старшей сестрой своего отца (Народный поэт 2009). Один из самых известных бурятский художников Цыренжап Сампилов, родившийся в 1893 г. в бедной многодетной семье, также был

усыновлен родственной бездетной семьей (Художник 2008). Практика открытого усыновления оценивается положительно в контексте описания биографий выдающихся людей.

Положительно представляется такая практика и в краудфандинговых компаниях, в описаниях которых мы можем встретить упоминания об этой традиции. В статьях рассказывается об усыновителях: *«Однажды Энгельсина узнала, что забеременела родственница мужа. Молодая девушка, еще не вставшая толком на ноги, твердо решила делать аборт. Посоветавшись, Энгельсина с мужем пришли к девушке с просьбой сохранить ребенка. — Не бери грех на душу, не убивай ребенка. Не хочешь сама воспитывать, отдай нам, мы его на ноги поставим, — взмолилась Энгельсина. ...Сыночка Золто Энгельсина с мужем забрали прямо из роддома. Ему было меньше недели»* (Габышева 2011). Далее в статье рассказывается, как Энгельсина усыновила еще двух детей родственников.

С 2010 г. в прессе стали появляться статьи, которые описывают, как сегодня используют бурятскую традицию для решения социальной проблемы сиротства. Дело в том, что жители ряда бурятских сел взяли на попечение детей из ближайших детских домов. Забирают как бездетные семьи, так и семьи, чьи дети уже выросли и уехали из родительской семьи: *«Истари жители Азии очень ответственно относятся к продолжению своего рода. Так, буряты, не имея благоприятных условий для рождения и сохранения детей, усыновляли их. И в настоящее время замечательную бурятскую традицию удачно применили для решения социальной проблемы — усыновления сирот»* (Жапова 2011). Необходимо отметить, что, по бурятской традиции, сирот усыновляли в редких случаях, так как дети должны были наследовать имущество отца и стать продолжателями его линии рода.

Совсем в другом свете предстает открытое усыновление, если мы обращаемся к повседневным практикам. Материал, который мы приводим далее, показывает, как буддистский концепт «буян» активно используется в повседневной жизни для легитимации открытого усыновления. Буян означает буддистскую концепцию духовной добродетели или хорошей кармы, которую необходимо увеличивать, чтобы получить *«шанс в одной из будущих жизней родиться непременно в Шамбале — Чистой Земле, где не надо заботиться о хлебе насущном и все время можно посвятить практике Учения во благо всех живых существ»* (Зурхай 2014). Буян необходимо накапливать через совершение благих поступков. Отказ от ребенка в пользу бездетных родителей рассматривается как большое благое деяние, которое может совершить мирянин, чтобы увеличить свои шансы на лучшее перерождение.

Мы рассмотрим три истории о практике открытого усыновления из наших интервью. Первый случай произошел в полной семье, которая переехала в Улан-Удэ. Семья стала жить у двоюродной одинокой бабушки. Муж устроился на работу охранником в магазине, а жена — поваром. Сначала у них родилась дочь, которую до семи лет воспитывала бабушка по отцу в селе. Потом они решили родить второго ребенка — мальчика, но родилась девочка. Родители хотели мальчика, который стал бы продолжателем рода, но экономически они могут воспитать не больше двух детей, поэтому отдали вторую девочку, когда ей еще не было года, своим родственникам.

Вторую историю передачи ребенка родственникам нам рассказали родители, которые отдали своего последнего, седьмого, ребенка племяннику со стороны мужа. В 2014 г. супруги проживали в поселении Удинское вдвоем в отдельном доме, в соседнем доме жил их старший сын с внуками. Интервью проводилось с бабушкой и дедушкой вместе. Когда я спросила, как они относятся к традиции отданных детей, бабушка ответила, что положительно, а дедушка прямо сказал, что они и сами имеют такой опыт:

В.: В каких случаях детей отдают?

Б.: Ну, а раз детей нет, пускай и у них дети будут.

В.: Ну, не осуждаете?

Б.: Не-а.

В.: А если бы вас попросили бы, отдали бы?

Б.: Отдали бы.

Д.: Мы так отдали. <...>

В.: А кому отдали?

Б.: Племяннику.

Д.: (Племянник с женой) несколько лет жили, а никого и не было, поэтому ...э у меня еще здоровье тогда расшаталось. Что со мной случится, с кем он останется? Я вот в 14 лет без отца и матери остался, сирота. Вот, чтобы такого не было, вот считаю, что правильно.

В.: Ну, интересно, что вы только первые здесь кого я встречаю ...э

Д.: что друг другу так помогаем?

В.: Да, что друг другу так помогаете» (семья Бардымовых, 7 детей, 13 внуков).

Племянник, по словам информантов, давно искал ребенка на усыновление и сам попросил дядю отдать ему последнего сына. Супруги также добавили, что отдать ребенка бездетной паре считается благим делом у бурят.

Про буян мне рассказали и в другом интервью. Отец по просьбе двух своих бездетных сестер отдал им двух своих дочерей, оставив себе только старшего ребенка, сына. Эта история произошла еще в советский период и стала известна со слов внучки этого человека. Его дочери росли в семьях его сестер. Однако они всегда упрекали своих родных отца и мать за то, что они отдали их. Как мне объяснила внучка, ее дедушка всегда объяснял свой поступок следующим образом. Во-первых, он говорил, что не мог отказать просьбам родных сестер. Во-вторых, у бурят есть понятие благого поступка, или буян.

Однако встречаются случаи, когда ни родственные обязательства, ни обещание хорошей кармы не могут убедить молодых матерей отказаться от своих детей. Эти истории показывают, насколько изменились нормативные ожидания в отношении материнства в бурятских семьях в процессе урбанизации и нуклеаризации.

Первая такая история относится еще к советскому периоду, к 1980-м годам. Информантка родила первого ребенка без оформления брака сразу после окончания сельскохозяйственной академии и вернулась в отцовскую семью. Мама информантки уговаривала ее отдать дочку старшей сестре матери, у которой к тому времени погиб единственный сын. Сама она так рассказывает о том, как семья принимала решение: «Но мама старой закалки, чтобы без мужа, конечно, она меня это, всяко говорила, конечно. Очень даже, до глубины сердца она мне так говорила. Мне как-то не по себе было. А я думаю: нет уж, я никогда никому не отдам. А потом сказала: вот, папа придет, как папа скажет, так и будет — говорю. А она тоже ...э вот меня удивила же мама! Прямо с готовностью была отдать ее. Я, вот, меня, вот, это вот, меня поразило. Потом маме... потом рассказывала, как ...э потом папа приехал, и я говорю: как это? (Я-то не говорю, что не хочу, а у меня сердце-то — ничего никому не отдам) А папа-то: нет, конечно, ха-ха-ха. Ой, у меня на сердце так хорошо стало, отлегло. Вот, поэтому я и благодарна. Вот, папа молодец — говорю. ... Ну, мама меня родная удивила тогда. Как с готовностью можно родного ребенка отдать?!» (женщина, 58 лет, вдова, трое детей). Старшая женщина в семье, которая выступила с инициативой отдать ребенка бездетным родственникам, исходит из традиционных норм, которые стигматизируют одинокое материнство и предписывают поддерживать реципрокные отношения в рамках расширенной семьи. Информантка уже исходит из современных представлений о единоличной заботе матери о своем ребенке, она указывает в первую очередь на эмоциональные переживания по поводу возможного расставания с ребенком.

Информантка в одном из сел оказалась в сходной ситуации: она узнала о незапланированной беременности на третьем курсе и решила родить ребенка без мужа. Самые близкие отношения в семье у нее сложились с двоюродным дедом и его двумя незамужними и бездетными дочерьми, а не с родными родителями. Одна ее тетья живет в городе, а другая — вместе с дедом в деревне. Решение молодой незамужней женщины родить ребенка поддержали обе тети, а потом и дедушка. Ребенка она родила в городе, и первые три месяца после рождения сына с ней жила и помогала

заботиться о ребенке тетя. Именно эта родственница предложила ей отписать сына в пользу бездетной родственницы, которая живет в городе. Она отказалась, сказав: *«Это ж мое, родное. Как я могу отказаться?!»* По ее словам, тетя продолжает подыскивать своей бездетной двоюродной сестре ребенка, но сама в свое время также отказалась отдать свою вторую дочь сестре.

Сообщения, опубликованные в группе «Аноним 03», в целом повторяют то, что нам рассказали информанты. Есть история о том, как дефицит экономических ресурсов стал причиной передачи ребенка в другую семью: *«Я приемный сын. И я узнал об этом от родителей в 20 лет. Они как-то вечером позвали к себе и сказали, что надо серьезно поговорить, ну там и рассказали, что они бездетные и взяли меня у своего брата на воспитание. У брата, моего родного дяди (точнее, моего биологического отца), уже было 5 детей. И тут еще один рот у них, хотели идти на аборт, но решили предложить меня своим зятю и сестре, те отказываться не стали и так я оказался у своих родителей. Сказать, что мне было плохо, нельзя, мне было хорошо. И я все еще люблю своих родителей, и воспитавших меня, и родивших)))»* (Запись сообщества 2017). И про буян говорят нам пользователи интернета: *«Мне 44. Я бесплодна. Но когда мне было 36, я встретила свою знакомую, которая была на четвертом месяце беременности, у нее рос ребенок от первого брака, не работала, жили они у матери. Она согласилась отдать мне ребенка. И вот оно счастье, у меня родилась прекрасная дочь! С роддома забрала свою дочь. ...Я обращаюсь к девушке, которая в шоке от того, что ее ребенка хотят “купить”. Родите ребеночка этой женщине, он ведь вам не нужен, даже сейчас он чувствует, что он вам нежелан, а сколько счастья принесет своей приемной маме! Сделайте буян»* (Запись сообщества 2017а). Однако в сообщениях группы мы встретили истории, которые не были озвучены в рассказах наших информантов. Например, несколько историй было о том, как старшие братья или сестры предотвращали усыновление или удочерение младших детей: *«Было мне 3, а может, даже меньше. У нас большая семья, 7 человек. Помню, как пришла соседка. Бездетная. И просила отдать ей мою младшую сестренку. Я билась в истерике, и вся в слезах просила маму этого не делать»* (Запись сообщества 2019). Ребенок остался в семье.

Таким образом, в интервью информанты указали три основных мотива передачи детей на воспитание в другие семьи. Первый — помощь бездетным родственникам обрести своего ребенка. Второй — неуверенность биологических родителей в том, что они смогут обеспечить всем необходимым взросление ребенка. Третий — религиозный мотив — необходимость совершать благие дела, накапливать буян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика открытого усыновления остается действующей формой организации заботы о детях в рамках расширенной семьи. Такой обычай может существовать только в рамках тесных родственных отношений внутри большой группы. Нуклеаризация и переход к идеологии интенсивного материнства ставят под вопрос дальнейшее существование данной практики. Если в публичной сфере традиция нормализуется через социальный дискурс о сиротах, то в приватной сфере она стигматизируется.

Усыновление мы рассматриваем как способ решить проблему дефицита заботы с помощью перераспределения груза заботы в рамках группы родственников. Анализ публичного дискурса о традиции открытого усыновления показывает, что обычай положительно интерпретируется при описании биографий значимых бурятских культурных деятелей. Также бурятскую традицию часто обсуждают как возможный путь решения социальной проблемы сиротства, хотя сирот чаще всего в бурятских семьях не усыновляли, а брали на попечение.

В приватной сфере подобная практика продолжает существовать, но скрыто. Как полные семьи, так и одинокие матери в условиях дефицита ресурсов для воспитания предпочитают отдать своих детей в бездетные семьи, которые смогут обеспечить их всем необходимым. Однако на этот

шаг родители решаются не только по экономическим, но и по религиозным мотивам. Если раньше необходимость усыновления легитимировалась верой в жизнь духов предков на земле, то сегодня вторая религия бурят, буддизм, оправдывает родителей, отдающих своих детей. Отказ от ребенка в пользу бездетных семей рассматривается как большое благодеяние. Совершение этого благодеяния оказывает положительное влияние на последующие перерождения человека и его текущую жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Габышева В.* Жительница Бурятии просит помощи // Информ-Полис. 19.10.2011. URL: www.infpol.ru/news/667/ (дата обращения: 05.02.2019).
- Галиндабаева В. В.* Трудовые мигрантки: межпоколенческие отношения в семьях сельских мигранток в Бурятии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 31–41.
- Жанова Я.* Тепло и ласку — не по расписанию // Бурятия. 24 февраля 2011. С. 4.
- Запись сообщества «Аноним 03» от 8 октября 2013 года // ВКонтакте. URL: https://vk.com/anonim_o3?w=wall-55416455_18582 (дата обращения: 20.02.2020).
- Запись сообщества «Аноним 03» от 28 марта 2017 года // ВКонтакте. URL: https://vk.com/anonim_o3?w=wall-55416455_284301 (дата обращения: 20.02.2020).
- Запись сообщества «Аноним 03» от 8 августа 2017а года // ВКонтакте. URL: https://vk.com/anonim_o3?w=wall-55416455_319288 (дата обращения: 20.02.2020).
- Запись сообщества «Аноним 03» от 9 января 2019 года // ВКонтакте. URL: https://vk.com/anonim_o3?w=wall-55416455_439859 (дата обращения: 20.02.2020).
- Зурхай от Зунды ламы с 5 по 11 февраля // Номер один. 05.02.2014.
- Лебедева А. А.* Семья и семейный быт Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 81–101.
- Народный поэт Дамба Жалсараев // Традиция. 19 марта 2009. С. 3.
- Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб., 2009.
- Художник // Бурятия. 31.07.2008.
- Carsten J.* After kinship. Cambridge, 2004.
- Hondagneu-Sotelo H., Avila E.* “I’m Here, but I’m There”: the Meanings of Latina Transnational Motherhood // Gender and Society. 1997. Vol. 11, № 5. P. 548–571.
- Humphrey C.* Marx Went Away — but Karl Stayed Behind. Michigan, 1998.
- Terrell J., Model J.* Anthropology and adoption // American anthropologist. 1994. Vol. 96, № 1. P. 155–161.
- Verhoef H.* A Child has Many Mothers: Views of child fostering in northwestern Cameroon // Childhood. 2005. Vol. 12, № 3. P. 369–390.

THE TRADITION OF OPEN ADOPTION IN THE POST-SOVIET BURYATIA: LOCAL PRACTICES VS. FORMAL RULES

ABSTRACT. The article considers the process of evolution of childcare in the context of rural-urban migration in the case of Buryat families of rural migrants, who moved to Ulan-Ude, the capital of the Republic of Buryatia, in search of work. The dominant ideology prescribes daily participation of the mother in the life of her child. Open adoption in Buryatia today can be called a special type of intergenerational care, which is carried out in the wider context of kinship, rather than the extended family. This type of care is contrary to the main provisions of the dominant cultural pattern of intensive motherhood. Despite stigmatization, this practice continues to exist and adapt to new conditions. The study has been conducted within the framework of qualitative methodology. The author has come to the conclusion that the custom of open adoption is becoming popular in modern Buryatia as a legitimate way to level out the lack of care in the family of a rural migrant. If earlier the need for adoption was legitimized by the shamanistic belief in the ancestral spirits living on the earth, today Buddhism justifies parents who give away their children with the concept of “buin”. The custom of open adoption is encouraged in terms of public discourse, but stigmatized in private space.

KEYWORDS: open adoption, intergenerational relationships, care deficit, rural-urban migration, kinship

VERA V. GALINDABAEVA – PhD, Senior Research Fellow, Sociological Institute of FCTAS RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: vgalindabaeva@gmail.com